

Переборки корабля задрожали, и дрожащее марево на мониторах сменилось россыпью звезд. Они переливались всеми цветами радуги и, казалось, дружелюбно подмигивали. Выглядели приветливо и даже мило. Все – кроме одной.

Звезда ZX-8391, зависшая в 73 градусах по стандартной оси прямо по курсу, всего в паре парсеков от звездного крейсера, вовсе не пыталась скрыть свой смертельный нрав. Огромный, красный шар, усеянный круговоротами плазмы и всполохами протуберанцев, каждый из которых был способен за десятую долю секунды испарить броню космического судна...

Эдриан Хоуп позавидовал гражданским и тем членам экипажа, кто не был обязан находиться на мостике во время туннельного перехода и имел сейчас возможность наслаждаться прекрасным видом непосредственно с обзорной палубы, а не с одного из командных мониторов.

Видом на свой новый дом.

Прикоснувшись к панели коммуникатора, Эдриан перевел выключатель в положение «общая связь» и, стараясь сдерживать волнение и распирающее его веселье, торжественно проговорил, чеканя слова:

– Внимание всем отсекам! Говорит Эдриан Хоуп, капитан звездного

крейсера «Рассвет»! В двенадцать часов сорок три минуты по времени корабля мы завершили переход и вышли в реальное пространство в расчетной точке...

За его спиной послышалось возбужденное перешептывание. В любое другое время он одернул бы болтунов – на мостике военного корабля должна царить абсолютная тишина, прерываемая лишь по рабочей необходимости... но к чему это теперь?

Теперь, когда они свободны. Подумать только.

Улыбнувшись, он сверился с показаниями сенсоров и продолжил:

– Согласно данным предварительного сканирования, в расчетной зоне вокруг звезды действительно вращается планета земного типа. Вероятнее всего, на планете присутствуют атмосфера и вода в жидком виде...

В шепот за его спиной вплелись откровенно ликующие нотки, и Эдриан почувствовал, что больше не может держать себя в рамках. Слишком долго он был скован по рукам и ногам. Наклонившись вперед, с прорвавшимся восторгом в голосе он промолвил:

– Мы сделали это. Черт возьми, мы это сделали.

Ликующие возгласы были ему ответом.

...Через 12 стандартных часов «Рассвет» вышел на орбиту планеты, и ее озаренный светом ZX-8391 диск закрыл собой большую часть тактического монитора. Эдриан, старший инженер Басов и старик Хитоки склонились над экраном, внимательно глядя в коричневатую-зеленую поверхность и сверяясь с данными исследовательских зондов, запущенных два часа назад.

– Вот здесь, – старик протянул иссохшую руку и ткнул в точку на топографической карте, тут же подсвеченную зеленым цветом.

– В этой долине, я полагаю, оптимальная среднегодовая температура и достаточно воды. С другой стороны, она защищена от ветров высокими холмами. Первое поселение должно быть основано здесь.

Басов бросил на старого азиата недовольный взгляд, возмущенно поджав губы, отчего кончики усов встали торчком.

– Не забываетесь, – произнес он ровным голосом. – Решение принимает капитан и только он.

Хоуп задумчиво смотрел на Хитоки. Он невольно подумал о том, как непривычно было видеть подданного Азиатской Империи на мостике военного крейсера Белой Конфедерации...

Нет. «Рассвет» больше не военный корабль. И чем быстрее экипаж примет для себя этот факт, тем лучше будет для всех.

Взглянув на старшего инженера мягко, но с укоризной, Хоуп примирительным тоном промолвил, взвешивая каждое слово:

– Мы уже не на войне. И нужды в железной дисциплине больше нет. Мы сбежали от ужаса и жестокости, и чем раньше мы начнем привыкать к

миру, тем быстрее перестанем просыпаться от кошмаров по ночам.

Он встал с кресла, снял фуражку и потянулся всем телом, пытаясь показать расслабленность и беспечность, хотя в глубине души по-прежнему ощущал собранность и сосредоточенность офицера Космического Военного Флота.

– А привыкать мы начнем с изменения некоторых формальностей, – закончил он свою мысль. – С этого момента я снимаю с себя полномочия капитана и временно принимаю на себя обязанности главы колонии на планете...

Он загнулся. Назвать сейчас их новый дом в привычном виде номерного кода означало разрушить всю торжественность момента.

– Эдем, – произнес вдруг Басов. Он взглянул на Эдриана блестящими глазами, в которых читалось вдохновение и смущенно улыбнулся. – То есть, если вы позволите, конечно. Эдем.

Хоуп кивнул и продолжил:

– ...на планете Эдем. И это последнее решение, которое я принимаю единолично. Все остальные вопросы будет решать Совет, куда войдем мы трое, первый помощник Андре Дават и четверо представителей гражданских, которых они выберут сами.

Он повернулся к старику и добавил:

– То же касается и предполагаемого места первого поселения, Советник Хитоки. Сегодня мы соберемся на первое заседание, и вы представите свои соображения. Насколько я знаю, вы не только историк, но и планетолог, и ваш профессиональный взгляд, конечно, будет принят к сведению.

Хитоки, сидевший до этого момента неподвижно и смотревший в одну точку, перевел взгляд на экс-капитана и едва заметно наклонил голову в знак согласия, но не произнес ни слова.

Когда боевой шаттл типа «Тигр», с которого инженеры под руководством Басова для большей вместимости сняли вооружение и демонтировали отсек с боеприпасами, вошел в плотную атмосферу Эдема, на нем присутствовали все члены новоявленного Совета – никто из них не смог удержаться от желания быть в числе тех, кто прежде всех прочих спустится на поверхность их нового пристанища. И хотя Эдриан больше не считал себя вправе принимать знаки почета, привычные для капитана боевого крейсера S-класса, он не стал спорить, когда Басов предложил ему выйти из шаттла первым.

«Тигр» приземлился посреди саванны, покрытой ковром цветов с крупными красно-фиолетовыми бутонами, венчающими крепкие синие стебли. В высоту они достигали пояса взрослого человека. Кое-где виднелся низкорослый кустарник, ветки которого были покрыты мелкими светло-голубыми листьями. Небо, закрытое плотным слоем коричневатых облаков, подсвеченных светом огромного красного светила, словно бы давило на плечи – столь низким оно казалось. Накрапывал мелкий дождик.

Эдриан разблокировал двери стыковочного отсека и вышел из шаттла. Еще раз, на всякий случай, сверившись с показаниями портативного мультигазоанализатора, он снял с себя шлем и полной грудью вдохнул горьковатый холодный воздух. От его пьянящего аромата у Эдриана закружилась голова. За его спиной восхищенно пробормотал что-то бывший старпом Дават. Басов, как всегда практичный и чуждый эмоциональности, вслух рассуждал о том, сколько понадобится сделать рейсов, чтобы перевести все оборудование и колонистов на поверхность планеты. Никто не слушал его.

В конце концов, все эти технические мелочи сейчас не имели ровным счетом никакого значения. Ведь они спаслись от безумия войны и бесконечного голода и страданий – что может сравниться по значимости с этим фактом?...

2

...Эдриан перевел дух. Множество пар детских глаз смотрело на него. Он улыбнулся и продолжил рассказ. Он рассказал про то, как в течение недели колонисты с «Рассвета» были переселены на поверхность Эдема, и получили наделы земли в очередности своего приземления – те, кто спустился первым, получали возможность раньше прочих выбрать участки для жизни. Сам крейсер, после того как с него сняли все представляющее ценность, был направлен прямым курсом к Новому Солнцу и сгорел в его раскаленной поверхности, а вместе с ним сгорело все оружие, которым был напичкан военный корабль. Так было исполнено первое решение Совета Колонистов – «Закон о полном запрете оружия». Правда, потом выяснилось что на Эдеме обитают крупные хищники – синие барсы и таунаки, названные так за свой странный вой – и пришлось принять поправку, разрешающую использование холодного оружия в исключительно оборонительных целях.

За десять лет, прошедших с момента высадки колонистов, поселение на Эдеме расцвело, и теперь каждый ребенок может позволить себе посвящать все свое время исключительно учебе и играм, а не тяжелому сельскому труду, собственно, именно поэтому он, Эдриан Хоуп, бывший боевой офицер Белой Конфедерации, а ныне простой труженик на Эдеме, имеет честь выступить перед учащимися Первой Школы имени советника Хитоки Сато...

Эдриан выдохнул, ожидая аплодисментов, но вместо этого вдруг с сожалением осознал, что его уже никто не слушает. Детям определенно понравилась первая часть его рассказа, но под конец он упустил внимание аудитории. Непростительная ошибка. Кто бы мог подумать, что выступать перед школьниками окажется ничуть не проще, чем перед расширенным составом Совета?...

А может, все дело в том, что вторая часть его речи получилась до жути слащавой? Можно сколько угодно говорить о быстром развитии и безоблачном будущем колонии, но кто, как не он знает, что на самом деле все

идет совсем не так гладко, как пытаются внушить народу?

Говорят, дети всегда чувствуют ложь.

Строгий голос учительницы отвлек его от неприятных мыслей:

– Дети! Давайте поблагодарим Первого Консула, почетного Главу Совета Эдриана Хоупа за то, что он так любезно согласился выступить перед нами с речью на День Основания! Давайте похлопаем ему...

Нестройные, слабые аплодисменты были ей ответом.

Эдриан кивнул.

– Большое спасибо вам за то, что уделите время. Если у вас есть какие-то вопросы...

На самом деле, он был уверен, что вопросов не возникнет. Речь, очевидно, не произвела должного эффекта, и сейчас его маленькие слушатели больше всего думали о том, как бы побыстрее уйти гулять.

Тем не менее, вопрос последовал незамедлительно. Тихий, серьезный мальчик с длинными волосами, сидящий на первой парте, поднял руку:

– Скажите, а откуда экипаж «Рассвета» узнал о координатах Эдема?

Эдриан улыбнулся. На это ответить было легко.

– В давние времена, более тысячи лет назад, на самой заре космической эры, еще до уничтожения Земли, существовал проект под названием «Сети». Его главной целью провозглашался поиск внеземных цивилизаций, и в рамках этой работы земные ученые, в том числе, искали пригодные для обитания планеты в других звездных системах. Затем проект был заброшен, а его результатами долгое время никто не интересовался.

Однако, примерно 10 лет назад, база данных проекта «Сети» случайно попала в руки историка и по совместительству планетолога Хитоки Сато, ныне члена Совета Колонистов. Именно тогда был задуман дерзкий план по побегу из зоны боевых действий, в которую тогда превратилась почти вся Галактика. Как вы знаете, Белая Конфедерация и Азиатская Империя вместе со своими сателлитами затеяли очередную бессмысленную войну, в которой опять должны были погибнуть десятки миллиардов людей просто потому, что созданная Человечеством система не могла обходиться без чудовищного социального и культурного расслоения, которое неизбежно порождало конфликты, выходящие на все более и более высокий уровень...

...Боевой мостик крейсера S-класса. Старый азиатский пленник, сопровождаемый двумя рослыми солдатами. И его спокойный, вкрадчивый голос...

«Капитан, я знаю, что по уставу вы должны подвергнуть меня допросу третьей степени, а затем казнить, как врага, обнаруженного в глубоком тылу... да еще и взломавшего базу данных планеты, принадлежащей Конфедерации. Но вы все же решились выслушать меня. Это дает надежду на то, что мы придем к пониманию, во имя общего блага...»

Эдриан вздохнул. Он подумал о том, что, пожалуй, слишком уж ра-

зошелся – как бы они не догадались о том, что волнует его сейчас больше всего. Когда его голос зазвучал вновь, он был уже гораздо спокойнее:

– Хитоки связался со мной, и я, после некоторых раздумий, передал экипажу «Уничтожителя» его предложение. Ни один член экипажа не отказался принять участие в мятеже и последующем побеге. Мы переименовали наш крейсер в «Рассвет» и одним залпом превратили в пыль орбитальную станцию контроля. После чего взяли на борт свои семьи и тех гражданских, кто изъявил желание отправиться с нами и смог уместиться на корабле, и совершили туннельный переход по координатам, что были предоставлены господином Сато. Остальное вы знаете.

Все тот же мальчик задал следующий вопрос:

– Этот проект... получается, люди еще тогда чувствовали, что все идет к большой войне и готовили пути отхода?

– Не думаю, что целью проекта было найти пути отхода – ведь в те времена еще и подумать было невозможно о межзвездных путешествиях... что же касается войн, они были всегда. Всегда.

– Почему?

Эдриан снова вздохнул. На этот вопрос он не знал ответа.

«Но я непременно найду его, – подумал он, – я найду его, иначе и здесь мы не сможем прервать этот рок».

3

...Дом, где жил Хитоки Сато, стоял на самом краю колонии и выглядел невзрачно, пожалуй, даже чересчур невзрачно для дома одного из старейших и наиболее уважаемых членов Совета.

Эдриан постоял немного возле грубо отесанной двери из дерева дженг, в задумчивости глядя на солнечные часы, установленные в саду.

Это был необычный сад. На первый взгляд он представлял собой нагромождение камней, но стоило присмотреться, и в лежащих друг на друге глыбах начинала проступать строгая упорядоченность и гармония.

Это был Сад Камней – древнее искусство народа, из которого происходил Хитоки Сато. Советник построил его своими собственными руками.

Часы тоже были высечены из камня. Изящные, утонченные, украшенные красивой резьбой – подарок учеников из первого выпуска, они представляли собой, пожалуй, единственную по-настоящему ценную вещь в окружении Советника.

Сейчас часы показывали половину двенадцатого по местному времени. Заседание Совета в расширенном составе было назначено на двенадцать.

Эдриан решил, что все же успеет зайти.

Он легонько постучал в дверь костяшками пальцев и услышал, как приближается звук торопливых шагов. Дверь распахнулась.

На пороге стояла молодая темноволосая девушка в цветастом платье

– по-видимому, новая служанка Советника. У нее были голубые глаза, тонкие, аккуратные брови, длинные ресницы и маленький вздернутый носик, который придавал лицу несколько озорное выражение.

Кивнув в знак приветствия, Хоуп вошел внутрь, бросил ей на руки плащ и разулся. Затем они вместе прошли вглубь дома и, не стовариваясь, одновременно остановились перед расшитой занавеской, отделяющей одну из комнат от коридора.

Понизив голос, Эдриан произнес:

– Ну, как он себя чувствует? Жар спал?

Прежде чем девушка успела ответить, из-за занавески раздался слабый старческий голос:

– Неужели вы думаете, что если я стал несколько слаб от болезни, то и слух мой больше ни на что не годен?.. Входите, я и сам в состоянии рассказать о своем самочувствии. Ева, завари чай!

Девушка развернулась и ушла вдоль по коридору, Эдриан же отдернул занавеску и вошел внутрь.

В комнате царил полумрак, окна были завешены тяжелыми шторами. Деревянные стены, украшенные разрисованными тонкими дощечками, декоративными украшениями, памятными вещицами, выглядели просто, но приятно. Пахло благовониями.

Напротив двери была расстелена циновка, на которой, разметав простынь, лежал сам Советник Сато. Над его головой на стене висела катана в богато украшенных лакированных ножнах – творение кузнецов Эдема.

С первого же взгляда Эдриан понял, что с момента прошлого посещения болезнь только сильнее охватила Советника своими цепкими пальцами. На щеках старика блестел нездоровый румянец, дыхание было частым и хриплым, черты лица еще больше заострились.

Болотная лихорадка, вспышка которой случилась в колонии пару месяцев назад, легко и без последствий протекала у молодых, крепких телом людей, но в то же время часто забирала жизни детей и стариков... и жизнь Советника, похоже, действительно была на волоске.

Так не вовремя.

Они сидели некоторое время молча, и тишина вокруг пахла запахом лекарственных трав, запахом целебных благовоний, запахом безнадежной болезни. Это была безнадежная тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием и сдавленным кашлем больного.

– Итак... что касается самочувствия...

Хитоки посмотрел на Эдриана с некоторой иронией.

– Я думаю, все предельно ясно. Протяну еще пару-тройку дней, может, неделю.

Хоуп кивнул. Он вдруг почувствовал, что больше всего ему хочется уйти, лечь в постель и проспаться несколько дней. Или лет. Во всяком случае,

достаточно, чтобы все происходящее забылось или казалось не более чем дурным сном.

Горячая ладонь старика обхватила его запястье.

– У вас еще будет время для скорби, Эдриан. Сейчас... давайте поговорим о деле. Вы ведь за советом пришли, не так ли?

– Я пришел проведать друга.

Советник устало откинулся на подушках. Несколько секунд он лежал неподвижно, а затем промолвил:

– И все же, совет будет сейчас не лишним. Скажите, чего вы ждете от сегодняшнего заседания?

Хоуп пожал плечами. Он подумал о том, уместно ли загружать умирающего неразрешимыми проблемами. Но Хитоки ждал ответа, и он неохотно произнес:

– Ну... я полагаю, что фракция латифундистов опять будет блокировать все мои предложения и не позволит принять закон о разделе земли.

Старик тяжело вздохнул. Затем вновь сжал Эдриану руку.

– В таком случае, вам все же придется принять диктаторские полномочия.

Эдриан вздрогнул и покачал головой. Уже не в первый раз они возвращались к этому разговору, и каждый раз он чувствовал себя неуютно.

– Совет с этим не согласится.

Старик ответил не сразу. Когда он наконец заговорил, речь его была тихой и постоянно прерывалась паузами.

– Значит, ему придется смириться. Мы с вами... достаточно популярны в народе, нас считают отцами-основателями колонии. И... хоть жить мне осталось недолго, я еще успею выпустить... обращение в вашу поддержку. Вместе с верными вам ликторами, этого должно... должно хватить, чтобы взять в свои руки всю полноту власти, а дальше все будет зависеть от вас, вашей хватки и... благоразумия.

Эдриан встал и отвернулся. Несколько секунд он молчал и смотрел в пол. Голова слегка кружилась от запаха благовоний. Когда он обернулся, взгляд его был твердым, как и голос:

– Нет. Это неправильный путь.

Он направился к двери, намереваясь уйти, но Советник окликнул его.

– Люди оказались не готовы к свободе, мой друг... рано или поздно, кто-то этим воспользуется. И лучше будет, если это будете вы. Лучше для всех.

– Вы действительно считаете, что это необходимо?

– Да. Ради... ради общего блага.

...Когда Эдриан подошел к зданию собраний Совета, там уже собра-

лось много народу, несколько сотен человек – приличное число для Эдема. Он ожидал, что они будут кричать, скандировать лозунги, но они лишь угрюмо молчали, и от этого становилось особенно тяжело на душе.

От стены здания отделились шесть закованных в броню фигур – ликторы, вооруженные разрешенным на планете холодным оружием – мечами и копьями. Они расчистили себе путь в толпе и заняли свое место возле Эдриана. Он специально не брал их собой для сопровождения за пределами площади Совета, чтобы не выглядеть отстраненным от народа.

Из всех, кому полагались ликторы, только он выказывал подобную предусмотрительность.

Войдя в преддверие, он подождал несколько минут. Наконец, тяжелые кованые двери перед ним распахнулись, и послышался громкий голос мастера церемоний:

– Советники! Поприветствуйте стоя Эдриана Хоупа, в прошлом капитана боевого крейсера S-класса, ныне же Первого Консула, почетного Главу Совета, стража Закона и одного из Отцов-Основателей!

Эдриан вошел в зал под шелест одеяний встающих со своих мест советников. Он думал о том, что Совет сильно разросся с момента своего основания – вместо восьми человек теперь в нем заседало почти восемьдесят. Жаль, что толку в этом, на взгляд Первого Консула, не было ни малейшего, один лишь вред и волокита.

Здание Совета представляло собой обширный вытянутый амфитеатр с высокой куполообразной крышей. По краям амфитеатра тянулись длинные скамьи, на которых восседали Советники, в центре же было оставлено пустое пространство, выложенное каменными плитами. На противоположной от двери стороне находилось возвышение, на котором были установлены два массивных кресла из синего дерева дженг, украшенные тонкой и искусной резьбой, они напоминали два трона.

Эдриан поднялся на возвышение и расположился в одном из кресел. На человека, сидевшего в другом, он старался не смотреть.

Второй Консул Дават за последние годы незаметно превратился из послушного и исполнительного старпома, повсюду следовавшего за своим капитаном, словно тень, в злейшего политического врага.

Собрание началось обыденно. Эдриан краем уха слушал дежурные доклады должностных лиц, и думал о том деле, которое ему предстоит исполнить. Деле, которое не удавалось закончить уже несколько лет, а между тем, оно не терпело отлагательств.

Когда черед докладов закончилась, он тяжело поднялся и под нестройные аплодисменты спустился на покрытую плитами площадку в середине амфитеатра. Дождавшись, пока утихнет гул голосов и установится тишина, он начал свою речь.

– Советники! Более десяти лет прошло с тех пор, как мы поселились

в этой благословенной земле. Мы сбежали сюда от бесконечной войны и страданий, царивших в нашем мире, безумные лидеры которого на протяжении столетий раз за разом строили систему, где человек и жизнь его не стоят абсолютно ничего. Им не дано было понять, что если обесценивается отдельный человек, то все человечество не стоит и ломаного гроша. Мы нашли себе новый дом и избрали изоляционизм и бесконфликтное существование, мы надеялись обрести долгожданный покой. Мы были равны в нашей надежде и устремлениях.

К сожалению, не все пошло так, как ожидалось. По прошествии некоторого времени выяснилось, что на почве Эдема плохо растут привычные нам культуры, а мясо местных животных в пищу непригодно, равно как и местная растительность. Привезенные нами семена и клубни прорастают лишь на узких участках плодородной почвы, и почти не растут за их пределами. Эти немногие пригодные для культивирования съедобных растений участки были захвачены членами экипажа и теми колонистами, что первыми ступили на поверхность планеты, остальным достались лишь жалкие крохи. Это заложило основу того социального расслоения, которое с давних пор служит началом конфликтов среди людей. Вышло так, что сбежав от чумы войны, мы принесли с собой ее бактерии, и сейчас не в силах избежать все тех же набивших оскомину ошибок. Если мы не хотим окончательно скатиться в гражданский конфликт, мы должны прибегнуть к одному из двух выходов, на которые я указывал уже не раз: принять закон о переделе земли или послать колониальную экспедицию в дальние пределы. К сожалению, и тот, и другой путь вы, Советники, упорно отвергаете.

Что касается закона, то нет никаких сомнений в том, что это было бы решением, которое устроило бы народ наилучшим образом. Однако те, кто захватил лучшие куски земли, называющие себя латифундистами, по некому стечению обстоятельств захватили и большинство в расширенном составе Совета, так что принять этот законопроект стало невозможным.

Организация экспедиции с последующим переселением части колонистов, увы, тоже не встречает поддержки в Совете. Те, кто выступает против нее, убеждают нас в том, что наша колония пока не способна организовать столь масштабную экспедицию с последующим переселением, иные же говорят, что нам пока не следует разделяться, ибо это грозит нам опасностью на планете, где мы живем всего около десяти лет и еще многого не знаем о ней. Однако же я считаю, что истинная причина заключается в том, что многим из вас не хотелось бы остаться без прислуги, в которую вы превратили обнищавший народ...

Гул разгневанных голосов прервал его. Советники вскочили со своих мест, их лица исказились гримасами раздражения, которое они стремились выместить на говорящего, потрясая сжатыми кулаками. Во всей этой беснующейся толпе лишь несколько человек пытались навести порядок. Советник

Басов, бывший старший инженер, возмущенно говорил что-то о недопустимом неуважении к выступающему Консулу...

Только двое во всем зале сохраняли видимость спокойствия: Первый Консул Хоуп и Второй Консул Дават.

Первый стоял молча, с мрачным взглядом, каждой клеткой тела ощущая свое бессилие. Второй откинулся на спинку кресла, и улыбка удовлетворения тронула его губы.

Когда Эдриан вышел из здания Совета, он ожидал, что стоявшая у входа толпа окружит его, но никто не приблизился к нему кроме шестерки ликторов. Толпа стояла чуть в стороне, окружив кого-то и прислушиваясь к его возбужденным, бессвязным словам. Нехорошее предчувствие кольнуло Эдриана, и он, нахмурившись, направился к скоплению людей. Ликторы расчистили ему путь, и вскоре он увидел того, кто обращался к толпе. Это был молодой, с заросшим лицом человек в грубо скроенной одежде, с мозолистыми, привыкшими к физической работе руками. Эдриан обратился прямо к нему:

– Что здесь происходит?

Молодой человек взглянул на Первого Консула, и тот с удивлением увидел слезы в его глазах.

– Они украли ее... эти негодяи. Господин, вы должны помочь мне. Я прошу о помощи.

Эдриан ожидал всего, призывов к бунту, обвинений, брошенных в лицо, но никак не слез и этих странных, абсолютно бессмысленных слов. Что-то произошло в колонии во время собрания Совета, что-то, что затмило негодование людей и на время приковало к себе их внимание. У него возникло странное ощущение неправильности происходящего.

– Успокойся. Расскажи мне все. Если тебе действительно требуется моя помощь, ты получишь ее.

Юноша кивнул. Прикрыв глаза, он с видимым усилием собрался с мыслями:

– Моя жена... она работала в доме у Советника Хитоки Сато. Была его служанкой. Я работал в поле вместе с другими землепашцами, когда до нас дошли слухи, что какие-то молодчики насильно вытащили ее из дома Советника и увели с собой. Я сразу устремился туда, но дом окружен охраной, они не пропустили меня и не ответили на мои вопросы. Если бы только я мог...

В памяти Эдриана мелькнуло лицо служанки в цветастом платье, милое лицо с длинными ресницами и вздернутым носиком. Кажется, ее звали Ева?

– Мы пойдем туда вместе. С нами отправятся мои ликторы и все эти люди. В дом Советника мы войдем одни. Уверен, твоя жена на месте и удивится этим странным слухам – никто не может похитить человека из дома Советника Сато – одного из самых охраняемых и безопасных мест на Эдеме.

Эдриан развернулся и направился вниз по круто спускающейся мощеной улице. За ним шли ликторы с копьями наперевес, затем встревоженный муж и вся остальная толпа. Вокруг стремительно темнело, и городские работники спешили зажечь масляные фонари, установленные на столбики, врытые вдоль дороги. Холодный ветер развеивал алый консульский плащ Эдриана. На душе его было неспокойно.

Он размышлял о том, не могло ли все происходящее быть провокацией, направленной против него? Если это действительно так, то какова ее цель?

Огромное красное светило, почти зашедшее за горизонт, освещало его путь последним своим лучом, алым, как кровь.

Когда они подошли к дому Хитоки Сато, охраны, которая должна была быть возле него, не оказалось на месте. Возле дома вообще не было никого, и незапертая дверь билась об стену под порывами ветра. Люди остановились. Несколько секунд все молчали, затем Эдриан приказал ликторам окружить дом. Вместе с поднявшим тревогой юношей они вошли внутрь, пока остальные дожидались их снаружи.

Внутри было пусто и темно, складывалось впечатление, что дом пуст, и пуст давно. Спутник Эдриана дрожал, Консул и сам чувствовал себя неважно, словно бы некий рок преследовал всех, кто войдет в покинутый дом. Ощупью они пробирались к комнате, где вот уже несколько недель Советник Сато боролся с болезнью.

...Хитоки Сато лежал на циновке, запрокинув голову, его остекленевшие глаза смотрели в потолок, а багровый свет заходящего Нового Солнца озарял его застывшее в неподвижной гримасе лицо. Вне всякого сомнения, он был мертв.

5

... Эдриан сидел на массивной деревянной кровати, и желтый лунный свет, струящийся через открытое окно, освещал его лицо. В комнате было прохладно.

Эдриан находился в спальне своего поместья, а прямо перед ним, вытянувшись во весь свой немаленький рост, стоял ликтор. Он был в полном боевом облачении – кованый нагрудник, наручи, поножи, меч-гладиус висит на поясе, за спиной короткое копьё. Шлем он держал под мышкой.

Эдриан мрачно посмотрел ему в глаза. Ликтор опустил взгляд.

– Мы ничего не нашли, Консул. Ни малейших следов девчонки, как в воду канула.

– Я так и думал. Что насчет охраны, которая должна была охранять дом Советника?

– Они утверждают, что не видели и не слышали ничего подозрительного. Говорят, что покинули пост только потому, что некий гонец принес им

указ, где сообщается, что их отзывают для дополнительной защиты здания Совета. На этом указе... ваша печать, Консул.

Скрепя доспехами, ликтор вытащил помятый листок из кожаного поясного кошельа и протянул его Эдриану. Эдриан, поморщившись, взял его, развернул, и внимательно осмотрел. Затем аккуратно свернул и положил на ночной столик возле кровати.

– Это действительно моя печать, но я не писал ничего подобного. Чертовщина...

Несколько секунд они молчали.

– Вы нашли этого гонца?

– Охрана утверждает, что на нем был низко надвинутый капюшон, лица они не разглядели. Свидетелей, которые могли его видеть, мы не обнаружили.

Резкий порыв ветра захлопнул массивную дверь спальни, оба говоривших невольно вздрогнули.

Эдриан, морщась, потер висок, затем поднял на собеседника усталый взгляд и произнес:

– Муж пропавшей утверждает, что охрана не пускала его в дом уже после того, как он услышал о похищении девушки. Даже если забыть на время про бумагу с печатью, ситуация складывается странная. Все это... дурно пахнет. Я полагаю, вам следует допросить их как следует, самое меньшее, что можно предположить – они знают больше, чем говорят. Что же касается Советника Сато... вы установили причину его смерти?

Закованный в броню воин слегка пожал плечами.

– Доктор сказал, что не видит никаких признаков насильственной смерти. Он считает, что Советник умер от продолжительной болезни. Смерть, вероятно, наступила примерно в пять-шесть часов вечера по времени Эдема.

– То есть, как раз в то время когда несчастный юноша пытался проникнуть в оцепленный охраной дом, встревоженный слухами о похищении своей жены?

Консул недоверчиво покачал головой.

– Долгая жизнь отучила меня верить в подобные совпадения.

Он встал с кровати и, пройдя к окну, захлопнул его. Не оборачиваясь, бросил:

– Я более не задерживаю вас. Соберите всех ваших людей – слышите? Всех! И обыщите еще раз весь город и его окрестности. Ищите тщательней. Если найдете что-нибудь важное, немедленно сообщите мне, можете войти без доклада, можете будить меня посреди ночи, если понадобится. Всё.

Ликтор осторожно переступил с ноги на ногу.

– Господин... приказывая собрать всех, вы имеете в виду и тех, кто охраняет вас? Будет ли уместно в сложившейся ситуации...

– Я очень чутко сплю и прекрасно способен за себя постоять.

Не уточняя больше ничего, воин развернулся и бесшумно удалился прочь, аккуратно прикрыв дверь.

Эдриан сбросил с себя одежду, лег в кровать и закрыл глаза. Сон не шел к нему, его терзали дурные предчувствия, словно неотвратимая беда нависла над ним и над всей колонией.

Поддавшись внезапному порыву, он встал с кровати и подошел к стене напротив. На ней в рамке висела звездная карта, вынесенная им когда-то с «Рассвета» незадолго до его уничтожения. Сняв ее со стены, он на ощупь нашел тайную дверцу, спрятанную за ней, отодвинул ее в сторону и просунул руку в нишу в стене. Его рука наткнулась на холодный рельефный металл... до боли знакомая рукоять.

Эдриан извлек из тайника бластер. Боевой плазменный шестизарядный бластер типа М-46 «Шершень», способный за десятую долю секунды прожечь небольшую дыру в стальном листе толщиной с палец, или же за пару-тройку секунд выжечь два с половиной квадратных метра площади в режиме несфокусированной атаки.

Прекрасное оружие, выдаваемое в Белой Федерации всем офицерам капитанского звания и выше. Надежное оружие. Смертоносное...

Причина, по которой Эдриан вот уже много лет испытывал жгучий стыд. Закон о запрете любого вооружения, кроме самого примитивного холодного, призванный предотвратить в колонии войны – этот бич рода человеческого... Когда-то Первый Консул Хоуп был тем, кто предложил его, и закон был принят единогласно.

И он же, Хоуп, был тем, кто втайне его нарушил.

Повесив карту на место, Эдриан сел на постель. Не отрываясь, смотрел он на предмет в своих руках, на грозное вороненое дуло, на ребристую рукоять. Бластер тускло поблескивал в лунном свете.

Когда то он, Эдриан, не смог расстаться с оружием, которое носил с собой каждый день на протяжении столь долгого времени, что сроднился с ним, стал от него зависим. Он не смог отказаться от ощущения надежности, которое стояло за этим небольшим куском металла, ощущения, что есть последнее средство, способное разрешить все проблемы.

Последний аргумент в любом споре.

Плечи Первого Консула поникли, голова бессильно упала на грудь. Интересно, что сказал бы Хитоки Сато, если бы узнал о поступке своего друга? Продолжил бы он уговаривать Эдриана взять всю полноту власти в колонии в свои руки?

Убедившись, что бластер стоит на предохранителе, Эдриан спрятал его в ящик ночного столика возле кровати и, укутавшись одеялом, вновь закрыл глаза. На этот раз он уснул быстро.

Пробуждение наступило внезапно, словно от резкого толчка. Еще до того, как успел что-либо сообразить, он уже стоял на ногах в боевой стойке – сказывались рефлексы, вбитые в голову во время учебы в центре военного космолота.

По видимому, было еще очень рано – заря только занималась, и в комнате царил полумрак, почти непроницаемый для взгляда. Эдриан внимательно огляделся по сторонам и прислушался, но не заметил ничего подозрительного. Недоумевая, что могло его разбудить, он сел на кровать, намереваясь продолжить свой сон.

Именно тогда он и увидел ее.

Она сидела, прислонившись к стене в дальнем углу комнаты, свесив голову, абсолютно неподвижно. Эдриан не сразу понял, что она нагая.

Мороз пробрал его по коже.

– Кто ты такая? Как попала сюда?

Ответом ему было лишь завывание промозглого ветра за окном.

В глубине души Эдриан уже обо всем догадался, но все же не оставлял надежды на то, что все происходящее окажется лишь недоразумением.

Пересилив себя, он встал и решительным шагом направился к ней. Подойдя поближе, он наклонился, и, поморщившись, приподнял ее голову за подбородок.

Розоватый, слабый утренний свет озарил мертвое, бледное лицо служанки Евы. Ее горло было то ли разорвано, то ли перерезано ножом, под еще теплым телом натекла лужа крови.

Судя по всему, умерла она недавно.

Хоуп выпрямился и взял свечу и огниво, лежащие на подоконнике. Затебив свечу, он вновь склонился над трупом, желая осмотреть его при свете повнимательнее.

В это время в коридоре загрохотали гулкие шаги и, прежде чем Эдриан успел что-либо предпринять, входная дверь с шумом распахнулась.

– Господин Консул! Прошу прощения, но вы вчера велели будить вас, если обнаружится нечто важное, поэтому я сразу поспешил к вам! Дело в том, что мы нашли платье пропавшей девушки, и свидетели...

Стоящий на пороге ликтор вдруг осекся, заметив страшную картину. Несколько секунд он глядел на Эдриана, склонившегося со свечой в руке над обнаженным телом мертвой служанки, той самой служанки, которую на протяжении вечера и ночи искала вся колония.

– Господин Консул... – выдавил он из себя, наконец. – Господин Консул, что здесь произошло? Неужели вы...

– Нет, разумеется! – Эдриан почувствовал вдруг головокружение и, прикрыв глаза, облокотился на подонник. – Я просто проснулся и увидел...

её.

На несколько минут повисло молчание. Затем, не проронив больше не слова, ликтор развернулся и вышел из комнаты, аккуратно закрыв за собой дверь.

Эдриан неподвижно сидел на кровати, смотря в пол. Он чувствовал слабость во всем теле – то ли от нервного напряжения, то ли от прерванного сна. В голове у него роилось множество мыслей, бесцельно и хаотично, иногда они пытались объединиться в цельную картину, но тут же вновь рассыпались – не хватало нескольких паззлов.

Очевидно, что убийцы подкинули в его комнату тело, пока он спал, воспользовавшись тем, что он отправил всю свою охрану на поиски пропавшей этой ночью. Но, если это действительно так, с какой целью это было сделано? Почему они просто не спрятали тело? Почему девушка обнажена? И, наконец, подделанная печать, таинственный гонец, смерть Советника Сато... всё это были недостающие части головоломки, и решение ее ускользало от Первого Консула, Стража Закона.

Светало. Очнувшись от оцепенения, Эдриан накрыл тело Евы одеялом, наскоро оделся. На улице слышались голоса множества людей, их становилось все больше и они становились все громче, до тех пор, пока шум не заполнил всю спальню, подобно холодному ветру, ворвавшемуся в открытое настежь окно.

Судя по всему, здание окружила толпа колонистов.

Эдриан нахмурился. Он почувствовал, что контроль событий окончательно ускользнул от него, и, что бы он ни делал, он будет играть на руку неведомым, таинственным убийцам.

Необходимо было выйти к толпе.

Первый Консул Эдриан Хоуп накинул на плечи свой алый плащ, и, поколебавшись, достал бластер из ночного столика и сунул его за пояс, закрыв плащом.

Как бы там ни было, развязка была близка, он чувствовал это инстинктивно.

7

Свет озарял крыльцо дома Консула, сложенного из массивных серых каменных блоков, покрытых резьбой. Двор перед крыльцом был заполнен людьми, взбудораженными страшным и странным известием, которое принёс запыхавшийся ликтор.

Когда Эдриан открыл массивные деревянные двери, обитые листами металла, и спустился с крыльца по широким ступеням, толпа смолкла, словно по знаку невидимого дирижёра.

Эдриан хотел что-то сказать, но вдруг понял, что не знает, о чем ему говорить. С минуту он стоял молча, собираясь с мыслями. Наконец, он про-

МОЛВИЛ:

– То, что вы собрались здесь, говорит о том, что определенные слухи... уже просочились в народ. Пропавшая девушка мертва... я лично видел ее тело. Я выражаю соболезнования родственникам погибшей, и клянусь вам в том, что приложу все усилия чтобы найти и наказать убийц.

Где-то в глубине толпы послышались сдавленные рыдания, но внимание Эдриана приковал другой шум, перешептывания и ропот, которые зародились где-то на краю скопления людей. Со своего места Эдриану было видно, что источником его стал некто пробирающийся через человеческую массу, причем путь ему расчищали ликторы.

Это мог быть только один человек.

Когда Второй Консул Дават наконец вышел на открытую площадку перед крыльцом, окруженный шестью ликторами, толпа уже вновь гудела словно растревоженный пчелиный улей. Дават поднял руку соединив большой и безымянный палец в ораторском жесте, показывающем что он намеревается говорить и призывающем ко вниманию. Когда люди умолкли, он, глядя чуть поверх головы Эдриана проницательным взглядом прищуренных серых глаз, громким, но спокойным и твёрдым голосом произнёс:

– Я обвиняю Первого Консула Хоупа в похищении, изнасиловании и убийстве Евы Джей.

Тишина стала абсолютной. Это была изумленная тишина, тишина, граничащая со ступором.

Дават молчал, словно считал, что сказал всё, что было необходимо. Он стоял спокойно, небрежно положив ладонь правой руки на рукоять своего короткого меча-гладиуса, подвешенного к поясу, и его цепкий взгляд был всё так же прикован к некой точке чуть поверх головы Эдриана – он словно бы смотрел мимо Первого Консула, и одновременно, казалось, видел его насквозь.

Ветер шевелил русые волосы Давата, играл с полами его алого консульского плаща. Розоватый свет утреннего светила озарял его спокойное, красивое лицо.

Лицо Хоупа было бледным, похожим на посмертную маску из чистейшего мрамора. Несколько секунд он молчал так, будто не понял сказанного и не имел представления, как будет правильнее отреагировать. Когда он ответил, голос его был тихим:

– Столь серьезные обвинения... требуют не менее серьезных доказательств.

Второй консул пожал плечами. Небрежным жестом он махнул рукой куда-то в сторону и промолвил:

– В доме за вашей спиной, в вашей собственной спальне лежит еще не остывший труп убитой. На ночном столике у изголовья вашей кровати лежит письмо, написанное вашим почерком и отмеченное вашей печатью. В

нем приказ снять оцепление с дома умершего Советника Сато, откуда и была похищена девушка вскоре после того, как охрана оставила свой пост, следуя вашему указанию.

Изумленный и возмущенный ропот охватил толпу. Откуда-то из толпы раздался громкий голос принадлежащий, кажется, Советнику Басову:

– Откуда, черт возьми, вы об этом узнали, Дават? Из пустых слухов?!

Дават даже не повернулся в сторону вопрошающего. Он посмотрел на Эдриана, и, словно бы обращаясь к нему, ответил на прозвучавший вопрос:

– Я не намерен раскрывать свои источники, отмечу лишь, что они вполне надежны. Я полагаю, что для всех собравшихся ситуация разъяснится после того, как они обыщут ваш дом и найдут там подтверждение моим словам.

Гул сотен голосов усилился, теперь уже стало сложно разбирать отдельные выкрики или же улавливать настроение толпы.

Эдриан стоял, опустив голову. Его взгляд бесцельно блуждал, но это был не взгляд загнанной жертвы или застигнутого на месте преступления убийцы – это был взгляд человека, который силится понять нечто ускользающее от его разумения. Чем дольше он молчал, тем сильнее волновалась толпа. Люди напирали на открытое пространство перед крыльцом, несколько ликторов, выстроившись в цепь, пытались сдержать их. Второй консул Дават невозмутимо стоял все на том же месте, левая рука его поглаживала перевязь меча, отстраненный взгляд был направлен куда-то за горизонт, туда, где розоватые утренние облака смыкались с туманной дымкой, поднимающейся от бескрайних синих лугов и полей.

Встревоженный ликтор подошел к Эдриану. Сняв шлем, он прокричал, стараясь превозмочь оглушительный рёв толпы:

– Господин Консул, боюсь, нам придётся обыскать ваше поместье и предъявить все обнаруженные доказательства народу чтобы...

Эдриан поднял голову и, прервав его, произнёс громко и ясно:

– Возможно, в этом нет необходимости. Я признаю, что убитая девушка и упомянутое письмо действительно находятся в моем доме, в точности на тех местах, где указал Второй Консул.

Гул тысяч голосов несколько стих. Люди удивленно переглядывались друг с другом, словно не веря собственным ушам.

Первый Консул, помолчав несколько секунд, продолжил ровным голосом:

– Да, я признаю, что все это – правда. Однако все это еще не дает кому-либо повода обвинять меня. Письмо – не более чем искусная подделка, а тело убитой я обнаружил в своей спальне всего лишь полчаса назад, вскоре после пробуждения. Звучит невероятно? Возможно. Но еще более невероятно то, что я, человек, наделенный вами верховной властью, не смог найти иного способа удовлетворить свою похоть кроме как совершить столь чудо-

вишное преступление, да еще и оставив после себя столь очевидные улики. Неужели кто-то из вас действительно верит в подобную чушь?

Воцарилось молчание. Речь Первого Консула произвела на толпу отрезвляющий эффект. Люди стояли в смущении.

Второй Консул Дават сделал шаг вперед. На лице его по-прежнему было безразличное выражение, но глаза пылали пламенем ненависти, и ненависть эта была направлена против Эдриана. Негромко и веско, чеканя слова, он промолвил:

– Довольно лжи. Нам нет нужды знать мотивы, что двигали вами, когда вы совершали преступление. Возможно, разум покинул вас, и вы сделали то, что было сделано, под влиянием припадка безумия. Может быть и так, что причина кроется в чем-то другом, однако сам факт совершения вами чудовищных злодеяний налицо – на это указывают неопровержимые улики, существование которых даже вы сами не беретесь отрицать. Как знать, может и смерть Советника Сато произошла не из-за болезни, а от ваших рук? Хватит оправданий, Хоуп. Повторяю, довольно лжи. Вы недостойны того, чтобы предстать перед судилищем Совета. Я, Второй Консул Дават, на правах власти, данной мне людьми, приговариваю вас к немедленной казни.

По знаку Давата, шестерка его ликторов вскинула копья и устремилась на Первого Консула. Народ стоял в оцепенении, ликторы Эдриана бездействовали, смешавшись с толпой.

В глазах Эдриана блеснуло понимание – последний пазл головоломки встал на свое место. Все стало окончательно ясно, и вся безумная сцена вокруг предстала не более чем декорацией или, скорее, поводом к тому, что должно было вскоре свершиться по воле того, кто все это время дергал за ниточки из-за кулис.

Он еще не знал, что его планам не суждено было сбыться.

Невероятно быстрым движением Эдриан выхватил бластер и выстрелил лучом максимальной мощности.

Раздался взрыв.

8

...Огромная воронка от взрыва дымилась под ногами у ликторов, что застыли с копьями наперевес, словно безмолвные статуи в паре шагов от Первого Консула. Вокруг царила необыкновенная, абсолютная тишина, стих даже ветер.

Лица людей вокруг были перекошены гримасами страха. Этот страх был почти осязаем, он придавил толпу подобно гигантскому прессу.

Меч Давата наполовину выскользнул из ножен, да так и застыл на полпути, словно его хозяин осознал внезапно бессмысленность и бесполезность своего оружия. Побледневшее лицо Второго Консула больше не было маской, лишенной эмоций – теперь на нем застыли злоба и страх.

Эдриан взглянул на него и спокойно произнес:

– Так, значит, ты решил, что недостаточно просто задушить меня во сне – нужно уничтожить мою репутацию и, затем, казнить меня прилюдно. Скажи, Советника Сато тоже убили твои люди?

Второй Консул молчал. Эдриан не торопил его. Тягучее холодное молчание разливалось вокруг и впитывалось в розоватый песок на земле, просачивалось сквозь щели в каменной кладке крыльца, на котором, как на пьедестале, стоял, возвышаясь, Эдриан Хоуп.

Небо затягивалось тучами, утреннее светило скрылось за ними и все вокруг потемнело. Начинался мелкий, холодный дождь, его капли едва осязаемо касались кожи собравшихся людей.

В конце концов, Дават принял решение. Щеки его порозовели, самообладание постепенно возвращалось к нему. Он аккуратно вдел меч в ножны, расстегнул перевязь и демонстративно отбросил ее в сторону вместе с мечом. Повернувшись к Эдриану, он ответил:

– Нет. Им было приказано схватить девушку. У старика не выдержало сердце, он был слаб из-за болезни.

Толпа вновь загудела. Шок постепенно проходил.

Эдриан кивнул. Он думал, что ему делать дальше. Вытащив бластер, оружие, на которое был наложен запрет, он стал таким же преступником, как и Дават, в глазах людей и, главное, в своих собственных глазах.

Словно бы в раздумье, Эдриан направил бластер на разоблаченного похитителя и убийцу и прицелился.

Лицо Давата дрогнуло, он побледнел в мгновение ока. Напускное спокойствие растворилось в страхе, который словно пронзил все его тело и выплеснулся в напряженном взгляде бегающих серых глаз. Шагнув вперед, он опустился на колени, не отрываясь смотря на дуло бластера. Вначале тихо, но потом все громче он забормотал, словно в исступлении:

– Я... прошу выслушать меня! Всего лишь выслушать! Я всегда безмерно уважал вас, капитан Хоуп! Когда вы держали свой экипаж в стальном кулаке, я был единственным, кто безропотно подчинялся вам не из-за страха! Я служил вам из-за безграничного уважения к вам, вашей воле, вашей силе духа!

– Пока вы сражались с Империей, я помогал вам во всем, когда вы решили дезертировать, я послушно последовал за вами! Любой ваш приказ я бы исполнил! Прошу вас, вспомните о том, как я был для вас полезен, прежде чем приговорить меня к смерти!

Эдриан с отвращением покачал головой.

– Но стоило мне ослабить хватку, как от твоей верности не осталось и следа, не правда ли? Кроме того, бывшие заслуги не оправдывают убийства и попытки переворота.

Дават с усилием поднял взгляд от страшного дула, направленного на

него, и, посмотрев в глаза Первому Консулу, промолвил:

– Я полагал, что вы уже не тот, что прежде. Вместо того чтобы сохранить за собой верховную власть и вести колонию к процветанию во главе с сильным лидером, вы устроили все эти странные игры. Совет... выборные Консулы... к чему все это привело? К распрям? Кто-то должен был остановить все это. Я думал, что поступаю так же, как поступили бы вы на моем месте. Препятствие вы, капитан.

Эдриану казалось, будто удары собственного сердца оглушают его. По бледному лицу Давата стекали капли пота. Он устало прикрыл глаза и добавил, кивнув на бластер:

– Разумеется, если бы я знал, что все это время вы вели двойную игру... но вы не дали мне ни малейшего намека. Позвольте же мне все исправить. Я вновь могу стать опорой вашей власти и буду верно служить вам, клянусь. Никто не посмеет выступить против нас. Пусть все будет, как раньше: капитан Хоуп и его верный старший помощник, Андре Дават.

Вновь воцарилась тишина. Легкий порыв ветра принес горьковатый запах прелой травы, дождь понемногу становился сильнее. Где-то вдалеке, за горизонтом, сверкнула безмолвная зарница.

Внимание всех участников этой сцены было приковано к Первому Консулу, Стражу Закона. Дават, ликторы, люди в толпе – все в напряженном ожидании смотрели на Эдриана. У большинства на лицах застыла гримаса страха.

Эдриан вспомнил вдруг один из своих последних разговоров с Хитоки Сато...

...Они стояли облокотившись на резные перила беседки, воздвигнутой посреди цветущего сада, разбитого за домом Советника. Стоящее в зените Новое Солнце разливало свое тепло в стоячем, пахнущем прелью и сеном воздухе, слышалось размеренное свиристение птицы.

Советник смотрел на дерево, клонящее к беседке свои бледно-синие ветви, усеянные маленькими душистыми ярко-фиолетовыми цветами, и улыбался. Дерево напоминало сакуру.

Внезапно он зашелся приступом кашля, бессильно уронив голову на грудь. Он упал бы, если бы Консул не поддержал его.

– Вы еще слишком слабы, – произнес Эдриан. – Болезнь лишь ненадолго отступила. Пожалуй, закончим на сегодня прогулку и наш спор.

Хитоки снова улыбнулся и опустился на стоящую в беседке скамейку, тяжело дыша.

– Думаю, еще пара минут на свежем воздухе мне не повредят. Сегодня на редкость изумительная погода, не правда ли?

– Правда.

Эдриан, помедлив, присел на скамейку рядом со стариком, сорвал с тонкой ветки один из цветов и растер между пальцами, принявшись

его сладковатому аромату. Облако закрыло солнце и повеяло неожиданно прохладным ветерком.

– Рад слышать, что хоть в чем-то мы с вами сходимся – рассмеялся Советник и, неожиданно став серьезным, прибавил:

– Я никак не могу понять вашего упорства. Разве вы не видите, что все равно все неизбежно скатится к диктатуре? Я изучал историю, и такой путь развития событий сейчас кажется мне неотвратимым. Борьба за ресурсы и отсутствие подлинного стремления к свободе и демократии... Уж лучше пусть вы возьмете в свои руки бразды правления, человек, который действительно заботится о благе народа, и который не будет злоупотреблять своей неограниченной властью. Если это случится, я смогу умереть спокойно.

Эдриан ответил не сразу. Прикрыв глаза, он сидел на нагретой солнцем скамейке и словно бы прислушивался к чему-то далекому – а может, вспоминал давно ушедшие и полузабытые мысли.

Наконец, он промолвил ровным голосом:

– Скажите, Сато, вы когда-нибудь задавались вопросом, почему я предпочел сбежать вместе с вами в тот день вместо того, чтобы замучить вас до смерти допросом третьей степени, как предписывали мне приказы?

Советник молчал.

– С самого детства меня воспитывали как человека, неспособного даже помыслить о том, чтобы не подчиниться приказу – продолжил Эдриан – мне внушали мысль, что одни люди вправе распоряжаться другими словно вещами. Но в глубине души, я всегда знал, что это ложь. Каждый человек рождается свободным, и как бы не пытались отнять у нас право выбора, сама наша природа противится этому – просто потому, что мы – люди. Я всегда верил в это. И я всегда ненавидел систему, которая пыталась отнять мою человечность.

Одинокая птица в ветвях эдемской сакуры зашлась в голосистой трели. Хитоки Сато поднял голову и, взглянув на своего собеседника, с любопытством спросил:

– Так, значит, с тех пор ваши убеждения ничуть не пошатнулись?

Эдриан отрицательно покачал головой.

– Ничуть. Однако... с тех пор я осознал еще кое-что.

– И что же?

– Вместе со свободой нам дана и ответственность за выбор, который мы делаем, и как бы мы не пытались убежать от последствий этого выбора, они догонят нас. Всегда.

... Эдриан взглянул на застывшие без движения фигуры людей. Все они ждали решения, его решения. Они еще не догадывались, что выбор был сделан им еще задолго до того, как он смог его осознать.

Он аккуратно поставил бластер на предохранитель и отбросил его в сторону, так далеко, как только мог. Обращаясь к толпе, промолвил, возвы-

сив голос:

– Как ни прискорбно, оба ваших Консула оказались недостойны вашего доверия. Я нарушил Закон о Запрете Оружия, первый из принятых нами законов. Я отрекаюсь от своей должности и изъявляю готовность предстать перед судом вместе со Вторым Консулом...

Из всех, кто слушал речь бывшего Первого Консула, один человек опомнился от потрясения раньше всех. Андрэ Дават, вскочив с колен, бросился бежать, словно пущенная из мощного лука стрела в сторону лежащего поодаль бластера. Толпа ахнула. Несколько человек попытались перехватить его, но было уже поздно: он подхватил с земли бластер и одним отточенным движением снял его с предохранителя, одновременно переключив в режим площадной стрельбы. Пытавшиеся остановить его замерли.

Повернувшись к Эдриану, Дават бросил с презрением и некоторым оттенком удивления:

– Я полагал, что с годами, прошедшими после побега из Космофлота, вы всего лишь размякли, капитан, но я ошибался. Вы действительно сошли с ума.

Посмотрев ему в глаза, спокойно и мягко Эдриан ответил:

– Опусти бластер и сдайся гражданам Эдема. Не цепляйся за свои ошибки. Неужели ты действительно думаешь, что это оружие, в котором осталось лишь пять зарядов, спасет тебя от сотен разъярённых, ненавидящих тебя людей, которые окружают тебя со всех сторон? Не переоценивай его силу. Это всего лишь маленький кусок металла, и он ничто против воли народа.

Дават нервно рассмеялся и отрывисто бросил:

– Это вы переоцениваете их волю, и недооцениваете их страх. Чтобы добраться до меня, кому-то придется сделать первый шаг, и этот кто-то непременно умрет. Этого достаточно, чтобы сдержать их. Достаточно, чтобы заставить подчиниться мне.

И он вновь засмеялся нервным, почти безумным смехом, в котором отчаяние смешалось с ненавистью и надеждой, и Хоуп рассмеялся вместе с ним, но потом вдруг затих и взглянул на бывшего старпома взглядом, от которого смех застрял в горле Давата, и испуг заблестел в его глазах. Наставив бластер на бывшего капитана, он промолвил хрипло:

– Не смейте...

И тогда Эдриан Хоуп, бывший Первый Консул и Страж Закона сделал Первый Шаг, быстрый, скользкий. Необходимый.

И вместе с ним – окончательный выбор.

Оглушительным грохотом прогремел выстрел, и Эдриан рухнул навзничь, с прожженной в груди дырой, и яркое небо Эдема потемнело над ним. До самой последней секунды он не знал, одержал ли он победу в своем последнем бою, но в эту последнюю секунду, когда яркий диск Нового Солнца

потускнел и выцвел перед его взором, чутье старого солдата подсказало ему ответ. Он умер с улыбкой на устах.

Он не видел того, как подоспевшие ликторы обезоружили Давата прежде, чем он успел сделать еще один выстрел...

... Через месяц после похорон Эдриана был принят Закон о Разделе Земли и тлеющий гражданский конфликт был исчерпан. На планете воцарился мир.